

"Соврем. мир"
1913, № 2

С. П. Искителен
на дружбу и
отъ автора
С. П. Ропш
4 апреля 1913.

О томъ, что есть въ романѣ „То, чего не было“.

(Открытое письмо къ В. П. Кранихфельду.)

Многоуважаемый Владиміръ Павловичъ!

Мнѣ хотѣлось бы сказать Вамъ нѣсколько словъ по поводу
Вашего отзыва о романѣ В. Ропшина «То, чего не было». ¹⁾ Надѣюсь,

¹⁾ „Литературные отклики“, „Современный Миръ“, кн. 10-я.
Февраль (II).

что Вы не откажетесь помѣстить на страницахъ «Современнаго Мира» мою статейку.

Названный романъ представляется Вамъ весьма неудачнымъ произведеніемъ. Въ этомъ случаѣ Вы сходитесь съ огромнымъ большинствомъ критиковъ, писавшихъ о немъ. Насколько я знаю, всѣ они отнеслись къ нему крайне сурово. Дѣло дошло до того, что Ропшина обвинили въ плагіатѣ. Но этотъ, почти единодушный рѣзко-отрицательный приговоръ кажется мнѣ совсѣмъ несправедливымъ. Я предлагаю Вамъ пересмотрѣть его.

Начну съ техническимъ приѣмомъ нашего автора. Г. Л. Войтовскій говоритъ:

«Каждая фраза Ропшина, каждое описаніе имѣетъ не только сродство, но огромную аналогію съ Толстымъ, иногда доходящую на пространствѣ многихъ страницъ до полного тождества. Его герои не только говорятъ и думаютъ словами и образами Толстого, они безостановочно повторяютъ ихъ жесты, позы, движенія и чуть-ли не каждый вздохъ. Толстовская фраза поглотила у нихъ всѣ силы души, и вся ихъ жизнь протекаетъ исключительно въ томъ, что они поочередно изображаютъ и имитируютъ то Андрея Болконскаго, то Верещагина, то капитана Титова и т. д.»

Этотъ упрекъ г. Войтоловскаго превратился, подъ перомъ одного изъ критиковъ «Новаго времени», въ обвиненіе въ литературной кражѣ. Конечно, на критиковъ только что названной газеты не слѣдуетъ обращать вниманіе. Но съ критикомъ «Кіевской Мысли» необходимо считаться. И потому я спрашиваю: какъ же обоснованъ у него упрекъ, сдѣланный имъ Ропшину,—тотъ упрекъ, который Вы, многоуважаемый Владиміръ Павловичъ, находите, какъ видно, заслуженнымъ?

Въ фельетонѣ «Кіевской Мысли» мы читаемъ:

«Вотъ описывается сцена убійства жандармскаго полковника Слезкина у Ропшина, и вся она встаетъ передъ вами, какъ своеобразно сдѣланная мозаика, изъ-подъ которой выглядываетъ толстовскій узоръ: сцена убійства Верещагина.

«У Толстого: «На длинной шеѣ молодого человѣка, какъ веревка, напружила сь и посинѣла жила за ухомъ».

«У Ропшина: «Болотовъ видѣлъ, какъ напружилось и посинѣло бѣлое искаженное лицо швейцара».

«У Толстого: «Руби! Я приказываю!»

«У Ропшина: «Связать!—отрывисто приказалъ Володя».

«У Толстого: «Онъ упалъ подъ ноги навалившаго народа».

«У Ропшина: «Константинъ навалился всей тяжестью на него».

Эти сопоставленія совсѣмъ не убѣдительны. Если одинъ изъ героевъ Толстого кричитъ: «Руби! Я приказываю!», а одинъ изъ

героевъ Ропшина: «отрывисто приказываетъ»: связать!, то можно ли по этому поводу говорить, что Ропшинъ «всецѣло имитируетъ» Толстого? По всей справедливости, рѣшительно не возможно! Точно такъ же, если у Толстого Верещагинъ падаетъ подъ ноги и а в а л и в ша го с я народа, а у Ропшина Константинъ наваливается всею тяжестью на швейцара, то отсюда еще очень далеко до преувеличенной «имитации». Наконецъ, нѣтъ рѣшительно никакого основанія кричать о такой «имитации» и въ виду того, что у Верещагина «напружилась и посинѣла жила за ухомъ», а въ романъ Ропшина «напружилось и посинѣло бѣлое искаженное лицо швейцара». Тутъ, какъ говорятъ французы, *il n'y a pas de quoi fouetter un chat* (не за что высѣчь и кошку).

Такъ же мало убѣдительно и слѣдующее сопоставленіе, дѣлаемое почтеннымъ критикомъ «Кіевской Мысли»:

«Описывается у Толстого и Ропшина движеніе артиллеріи:

«Слышался равномерный топотъ ногъ и побрякиваніе орудій» (Толстой). «Слышался топотъ копытъ и звенящій желѣзный лязгъ» (Ропшинъ)».

Чѣмъ погрѣшилъ здѣсь Ропшинъ, тѣмъ ли что употребилъ глаголъ: «слышался», или же тѣмъ, что позволилъ себѣ употребить существительное: «топотъ»?

Л. Войтоловскій пишетъ:

«Я потому придаю огромное значеніе отдѣльнымъ словамъ, что именно въ нихъ совершается главное проявленіе образа, они выражаютъ собою характеръ каждой сцены». Это правильно. Характеръ каждой данной сцены, каждаго даннаго художественнаго произведенія выражается именно «въ отдѣльныхъ словахъ», вѣрнѣе—въ сочетаніяхъ отдѣльныхъ словъ. Но мы только что видѣли, какъ мало основаній для обвиненія Ропшина заключается въ указанныхъ г. Л. Войтоловскимъ сочетаніяхъ «отдѣльныхъ словъ». Пойдемъ дальше, поищемъ болѣе предосудительныхъ сочетаній.

Критикъ «Кіевской Мысли» указываетъ на слѣдующее описаніе Ропшинымъ чувствъ, испытанныхъ его героемъ Болотовымъ на баррикадѣ:

«Стоя подъ лучами морознаго солнца, среди бѣлаго снѣга и веселыхъ здоровыхъ, очевидно вооруженныхъ людей, ... онъ испытывалъ счастливое и бодрое чувство... И сознаніе новой, углубленной отвѣтственности передъ всей потрясенной революціей Россіей волновало его».

По словамъ критика, эти строки вызываютъ въ памяти читателя то мѣсто у Толстого, въ которомъ описывается настроеніе офицера передъ боемъ. Вотъ эти строки:

... «Играли свѣтомъ, какъ алмазы, снѣговыя горы. Впереди пятой роты шель высокій красивый офицеръ, испытывая

Домъ Плеханова № 1

бодрое чувство жизни... И сознание причастности къ огромному управляемому одной волей цѣлому, волновало его».

Въ обоихъ отрывкахъ г. Войтоловскій подчеркнулъ очень много словъ. Очевидно, это именно тѣ «отдѣльныя слова», на которыхъ основывается обвиненіе въ преувеличенной «имитациі». Но замѣчательно, что «отдѣльныя слова» здѣсь ровно ничего не доказываютъ: они вовсе не до такой степени одинаковы въ обоихъ отрывкахъ, какъ это думаетъ г. Л. Войтоловскій. Въ самомъ дѣлѣ, у Толстого играютъ свѣтомъ снѣговья горы, а у Ропшина стоитъ подъ лучами солнца молодой революціонеръ. Какъ хотите, а я не вижу тутъ не только преступнаго тождества, но даже и сколько нибудь компрометирующаго сходства. Не вижу его и дальше: у Толстого впереди пятой роты идетъ высокій и красивый офицеръ, а у Ропшина Болотовъ стоитъ на баррикадѣ среди веселыхъ и здоровыхъ людей. Нужно очень много доброй воли, чтобы открыть здѣсь «имитацию». Съ этимъ, надѣюсь, и Вы легко согласитесь.

Но, согласившись съ этимъ, Вы, вѣроятно, сопоставите послѣднее предложеніе выписки изъ Ропшина съ такимъ же предложеніемъ выписки изъ Толстого и скажете, что здѣсь уже съ полнымъ правомъ можно говорить объ «имитациі», такъ какъ здѣсь сходство бросается въ глаза. Я спорить не буду. Въ самомъ дѣлѣ, оно здѣсь велико. И оно заключается не только въ отдѣльныхъ словахъ и въ постройкѣ фразы, но,—что самое главное,—въ томъ настроеніи героевъ, которое выражается указанными предложеніями. При томъ же это у Ропшина вовсе не исключительное мѣсто. Такихъ мѣстъ у него,—этого нельзя не признать,—очень много. По ихъ поводу можно говорить объ «имитациі». Но вопросъ не въ томъ, есть ли на-лицо «имитация», т. е. по-русски подражаніе, а въ томъ, заключается ли въ этомъ подражаніи что-нибудь предосудительное, А на этотъ вопросъ я категорически отвѣчаю: тутъ опять *il n'y a pas de quoi fouetter un chat*.

Вы прекрасно знаете, многоуважаемый Владиміръ Павловичъ, что, когда очень крупный талантъ, — можетъ быть, лучше будетъ сказать: геній, — дѣлаетъ своимъ появленіемъ эпоху въ литературѣ, тогда менѣе крупные писатели, слѣдующіе за нимъ во времени, подражаютъ ему, какъ въ языкѣ, такъ и вообще въ техническихъ приемахъ. И такъ бываетъ не только въ литературѣ. Совершенно то же видимъ мы и въ искусствѣ. Тамъ тоже не обходится безъ такихъ «имитаций». Онѣ совершенно неизбѣжны и вполне понятны. Кто говоритъ: «такой-то художникъ сдѣлая своимъ появленіемъ эпоху», тотъ тѣмъ самымъ говоритъ: «этому художнику стали подражать менѣе крупные художники». Если бы это было иначе; если бы художественному генію не подражали

въ теченіе извѣстнаго времени (извѣстной «эпохи») менѣе выдающіеся художники, то вѣдь не было бы никакого основанія утверждать, что съ его появленіемъ началась новая эпоха. Тургеневъ совсѣмъ не похожъ на Гоголя ни по языку, ни по мотивамъ своего творчества. А, между тѣмъ, въ его первыхъ произведенияхъ встрѣчаются мѣста, неоспоримо свидѣтельствующія о томъ, что онъ подражалъ Гоголю. Но можно ли было упрекать его за это? Нѣтъ! Тутъ не было вины И. С. Тургенева; тутъ была только заслуга Н. В. Гоголя.

Флоберъ тоже мало походилъ на Бальзака и по языку, и по основнымъ мотивамъ своего творчества. Но, несмотря на это, послѣ выхода «*Madame Bovary*», критика обвиняла его въ подражаніи Бальзаку. «*Quant au Balzac j'en ai décidément les oreilles cornées*» («Что касается Бальзака, то мнѣ имъ намозолили уши»), не безъ юмора писалъ онъ Жюлю Дюплану¹⁾. Можно даже предположить, что подъ вліяніемъ этихъ упрековъ Флоберъ и задумалъ написать «*Salammbô*», т. е. такое произведеніе, которое уже трудно было бы сопоставить съ какимъ-нибудь романомъ Бальзака²⁾. Но онъ напрасно беспокоился. Бальзакъ несомнѣнно имѣлъ на него большое вліяніе. И это вліяніе становилось замѣтнымъ при чтеніи «*Madame Bovary*». Но тутъ не было вины Флабера. Тутъ можно было говорить только о заслугѣ Бальзака. Бальзакъ, подобно Гоголю, наложилъ свою печать на цѣлую эпоху.

Упрекая Ропшина въ подражаніи Толстому, говорятъ, что въ своемъ первомъ произведеніи («Конь блѣдный») онъ подражалъ декадентамъ. Это тоже правда. Но даже и этого нельзя поставить въ вину Ропшину. Надо же помнить, что его литературная карьера только начинается. Кромѣ «Коня блѣднаго», онъ пока написалъ только незаконченный печатаніемъ романъ «То, чего не было». Въ началѣ своей карьеры художники нерѣдко «ищутъ себя», попеременно подчиняясь то одному вліянію, то другому. И тутъ никакой бѣды нѣтъ. Дѣло только въ томъ, ведетъ-ли подобная переменная вліяній отъ низшаго образца къ высшему или же наоборотъ. Въ первомъ случаѣ начинающій художникъ прогрессируетъ, т. е. приближается къ той порѣ, когда сдѣлается настоящимъ мастеромъ; во второмъ—идетъ назадъ, рискуя заблудиться,—подобно легендарнымъ пошехонцамъ,—въ трехъ соснахъ. Вы легко согласитесь, что сбросить съ себя литературное вліяніе декадентовъ для того, чтобы попасть подъ литературное вліяніе Толстого, значить сдѣлать большой шагъ впередъ. Тутъ мы

¹⁾ Correspondance; 3-me série. Paris, 1912, p. 91.

²⁾ «Je vais tâcher de leur tripleficeler quelque chose de rutilant et de gueulard [Salammbô] où le rapprochement ne sera pas facile», говоритъ онъ въ томъ же письмѣ къ Дюплану.

какъ разъ имѣемъ дѣло съ человѣкомъ, который, на короткое время приблизившись къ знаменитымъ тремъ соснамъ, благополучно ушелъ отъ нихъ, направившись въ надлежащую сторону. Съ этимъ я, съ своей стороны, отъ всей души поздравляю Ропшина.

Я прекрасно понимаю, что въ художественномъ творествѣ чрезвычайно много значить мѣра. Легко можно «пересолить» даже въ невольномъ и естественномъ подражаніи тому художественному гению, который кладетъ свою глубокую печать на цѣлую эпоху. А еще легче «опростоволоситься», вознамѣрившись написать подъ такого-то гениальнаго художника. Ропшина обвиняютъ,—насколько я понялъ его критиковъ,—именно въ умышленномъ писаніи «подъ Толстого». Но это обвиненіе остается и останется совершенно голословнымъ. И надо только удивляться, какимъ образомъ оно могло возникнуть. То правда, что въ романѣ Ропшина часто встрѣчаются мѣста, заставляющія вспоминать о Толстомъ. Но наличность этихъ мѣстъ достаточно объясняется невольнымъ подражаніемъ. Я увѣренъ, что если намъ суждено прочесть новое произведеніе этого, теперь еще только начинающаго, писателя, то въ немъ подобныхъ мѣстъ будетъ уже значительно меньше. Начинающій писатель становится менѣе склоннымъ къ невольному подражанію въ той самой мѣрѣ, въ какой мужаетъ и крѣпнетъ его собственное дарованіе.

Критика не разъ повторяла, что Ропшинъ самъ былъ дѣятельнымъ участникомъ событій, описанныхъ въ его романѣ. Я не говорю, что это правда. Но если это правда, то вѣдь тѣмъ самымъ рѣшается вопросъ объ искренности его, какъ автора даннаго романа. Если этотъ романъ является отвѣтомъ на то или другое мучительное сомнѣніе, выросшее у него подъ вліяніемъ его практической дѣятельности, то мы имѣемъ полное право находить отвѣтъ ошибочнымъ, но у насъ нѣтъ рѣшительно никакого основанія считать автора романа неискреннимъ. А, между тѣмъ, нѣкоторые критики подозрѣваютъ его именно въ неискренности. Да что я говорю: «подозрѣваютъ!» Они прямо обвиняютъ его въ шарлатанствѣ. Гдѣ же справедливость?

Въ «Современномъ Словѣ» г. Ожиговъ сказалъ, что новое произведеніе Ропшина написано «полярно-безучастно». Это поистинѣ изумительно. Ужъ чего, чего другого, а именно безучастнаго-то отношенія автора къ описываемымъ событіямъ и нѣтъ въ этомъ произведеніи. Въ немъ все не только пережито, но и глубоко прочувствовано. Оттого-то онъ и читается публикой, несмотря на отрицательные приговоры критики. Оттого-то онъ и вызываетъ негодующіе протесты со стороны тѣхъ, переживанія которыхъ были непохожи на переживанія автора. Своимъ изумительнымъ отзывомъ о полярно-безучастномъ характерѣ изложенія въ романѣ

«То, чего не было» г. Ожиговъ заставляетъ меня вспомнить совершенно неожиданное замѣчаніе какого-то французскаго критика о томъ, что Флобэръ показалъ себя въ «*Madame Bovary*» плохимъ стилистомъ. Слыша подобные отзывы, остается только развести руками: что подѣлаешь съ людьми, слона-то и не замѣчающими!

Кстати объ искренности Ропшина. Вы, Владиміръ Павловичъ, не безъ удивленія констатируете, что онъ не оправдывается отъ возводимыхъ на него обвиненій. Но, во-первыхъ, у беллетристовъ, вообще, не въ обычаѣ вести полемику со своими, хотя бы и крайне строгими критиками. Во-вторыхъ, чѣмъ искреннѣе относился писатель къ своему дѣлу, тѣмъ труднѣе ему захотѣть защищаться отъ упрековъ въ неискренности, доказывать, что онъ не фигляръ, не шарлатанъ, не ворона, задумавшая нарядиться въ павлинья перья.

Въ высшей степени характерно, что у нѣкоторыхъ критиковъ, неблагоприятно отзывающихся о художественныхъ достоинствахъ новаго произведенія Ропшина, встрѣчаются обмолвки, свидѣтельствующія о томъ, что произведеніе это даже и на нихъ производить сильное впечатлѣніе. Для примѣра укажу опять на г. Ожигова. Онъ утверждаетъ, что «холодный и разсудочный» Ропшинъ — «не художникъ», а только «разоблачитель», избравшій форму романа. Но онъ же признаетъ, что Ропшинъ «умѣетъ заворожить читателя», что въ его «романѣ много движенія, много напряженія, много силы». Согласитесь, Владиміръ Павловичъ, что беллетристъ, вкладывающій въ свое произведеніе «много силы, много напряженія, много движенія», беллетристъ, «умѣющій заворожить читателя», сильно смахиваетъ на художника. Г. Ожиговъ поясняетъ, что Ропшинъ завораживаетъ читателя «потому, что онъ просто занятный разсказчикъ, а не потому, что онъ художникъ». Мнѣ жаль, что онъ даже не попытался обосновать это свое поясненіе. Въ чемъ заключается разница между занятнымъ разсказчикомъ и художникомъ, скажемъ — между Александромъ Дюма-отцомъ и Густавомъ Флобэромъ? Въ томъ, что первый дѣйствуетъ на читателя внѣшнимъ интересомъ разсказываемыхъ событій, а другой «завораживаетъ» его изображеніемъ того, что переживаютъ его герои. Я не могу не вѣрить собственному признанію г. Ожигова; я вынужденъ повторить вслѣдъ за нимъ, что онъ, г. Ожиговъ, нашелъ въ романѣ Ропшина только занятную фабулу. Но, по моему мнѣнію, Ропшинъ сдѣлалъ фабулу своего романа несравненно менѣе интересной, чѣмъ могъ бы сдѣлать ее, если бы использовалъ весь свой богатый практическій опытъ. Этотъ опытъ, я думаю, такъ великъ, что пользуясь имъ, занятный разсказчикъ, — а вѣдь самъ г. Ожиговъ признаетъ Ропшина занятнымъ разсказчикомъ, — могъ бы, пожа-

луй, заткнуть за поясъ самого Дюма съ его «Тремя мушкетерами». Но въ томъ то и дѣло, что Ропшинъ вовсе не заботился объ интересѣ фабулы, сосредоточивъ свое вниманіе на внутреннихъ переживаніяхъ своихъ героевъ. И если онъ «завораживаетъ» читателя, то именно потому, что ему удалось художественно изобразить эти переживанія, т.-е. потому, что онъ — художникъ.

О находящемся въ романѣ Ропшина описаніи убійства жандармскаго полковника Слезкина г. Измайловъ отозвался такъ:

«Въ нашемъ распоряженіи уже не десятки, а сотни такихъ разказовъ объ экспроприацияхъ, политическихъ убійствахъ и казняхъ, ночныхъ приходахъ революціонеровъ и стаскиваніи приговоренныхъ съ теплой постели.

«Одни хотѣли насъ испугать, другіе — растрогать, третьи — поразить кровавымъ безсмысліемъ, четвертые — злсрадствовали. Въ большинствѣ случаевъ передъ нами былъ лубокъ съ преобладаніемъ яркаго краснаго цвѣта — крови и огня браунинговъ.

«У Ропшина и здѣсь то преимущество, что онъ не играетъ на внѣшнихъ эффектахъ».

Г. А. Измайловъ былъ безусловно правъ. Онъ былъ бы также безусловно правъ, если бы распространилъ свой отзывъ на весь романъ Ропшина, потому что, въ самомъ дѣлѣ, во всемъ этомъ романѣ совершенно отсутствуетъ игра на внѣшніе эффекты. Ропшинъ пренебрегаетъ ими. И, конечно, очень хорошо дѣлаетъ.

У Фейербаха есть афоризмъ: «ты нападаешь на мои недостатки, но знай, что ими обусловливаются мои достоинства» ¹⁾. Ропшинъ можетъ повторить этотъ афоризмъ, обращаясь къ своимъ критикамъ... если найдетъ когда-нибудь нужнымъ объясниться съ ними. Достоинства его романа обусловливаются его недостатками, или, точнѣе сказать, тѣмъ недостаткомъ, на который до сихъ поръ больше всего нападала критика. Въ его манерѣ изложенія слишкомъ замѣтно толстовское вліяніе. Это недостатокъ, показывающій, что Ропшинъ, какъ писатель, еще не вполне «нашелъ самого себя». Но тотъ же самый Толстой, вліяніе котораго такъ сильно отразилось на свойственной теперь Ропшину манерѣ изложенія, научилъ его пренебреженію ко внѣшнимъ эффектамъ и полной правдивости въ процессѣ творчества. Почему наша строгая критика не сочла нужнымъ считаться съ этимъ?

Ропшинъ подчинился вліянію Толстого. Это правда. Онъ слишкомъ подчинился ему. Это тоже правда. И это — недостатокъ.

¹⁾ Ручаюсь только за смыслъ этого афоризма, а не за „отдѣльныя слова“.

Но испытанное Ропшинымъ вліяніе Толстого, какъ художника, было такъ благотворно, что обусловленные имъ недостатки изложенія, — т. е. чисто внѣшніе недостатки, — съ избыткомъ выкупаются рѣдкими достоинствами содержанія, т. е. внутренними достоинствами. Вотъ что уже теперь можно сказать съ полной увѣренностью.

Чѣмъ болѣе былъ правъ г. А. Измайловъ въ своей статьѣ, напечатанной въ № 13081 «Биржевыхъ Вѣдомостей», тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе производитъ его новое сужденіе о романѣ Ропшина (См. статью «Годъ кроваваго тумана» въ № 13281 той же газеты).

«Теперь, когда передъ нами уже двѣ трети романа Ропшина, — пишетъ г. Измайловъ, — можно сказать, что ожиданія, возлагавшіяся на очевидца и участника рассказываемыхъ событій, далеко не оправдались. Очевидецъ и участникъ нашелъ на своей палитрѣ краски, въ сущности, не болѣе яркія, чѣмъ тѣ, какими написаны десятки картинъ недавнихъ беллетристовъ, по догадкѣ воспроизведшихъ дни недавняго кроваваго тумана».

Развѣ же дѣло тутъ въ яркости красокъ? Заботу о ней можно спокойно предоставить беллетристамъ, гоняющимся за внѣшними эффектами. Дѣло во внутренней правдивости изложенія. А что касается до нея, то достаточно сопоставить романъ Ропшина, напимѣръ, съ «Сашкой Жегулевымъ» Андреева, чтобы понять, какое огромное преимущество даетъ художнику то обстоятельство, что онъ не только по догадкѣ воспроизводитъ извѣстныя переживанія. У Андреева «яркихъ красокъ» гораздо больше, нежели у Ропшина. За то у Ропшина гораздо больше художественной правды. Отчего? Оттого, что у него не одна «догадка».

У г. Измайлова выходитъ такъ, что художникъ «воспроизводитъ» явленія или «по догадкѣ», или же «по памяти». При этомъ для воспроизведенія «по памяти» будто бы необходимо, чтобы художникъ самъ пережилъ мельчайшія подробности изображаемыхъ имъ событій. Г. А. Измайловъ разсуждаетъ такъ:

«Когда Ропшинъ передаетъ вамъ о странномъ чувствѣ, съ какимъ затравленный бѣглець попадаетъ пальцами въ холодную и скользкую плѣсень моха на дровахъ, когда замѣчаетъ, что во время стрѣльбы пальцы его дрожать и т. д., — вы видите, что это детали, скорѣе воспроизведенныя по памяти, чѣмъ придуманныя воображеніемъ беллетриста».

Вы согласитесь, Владиміръ Павловичъ, что, если бы это и было такъ, то здѣсь еще не было бы ровно ничего худого. И ужъ ни въ какомъ случаѣ это не доказывало бы, что Ропшинъ не художникъ. Совершенно наоборотъ! Если, переживая такія драматическія положенія, въ которыхъ дѣло идетъ объ его жизни, человѣкъ умѣетъ

смотримъ на себя со стороны, замѣчая и запоминая подробности, въ родѣ указанныхъ г. Измайловымъ, то въ немъ сидитъ художникъ. Это еще не все. Художнику нѣтъ никакой надобности лично переживать мелкія подробности описываемыхъ имъ событій. Онъ можетъ «по догадкѣ» вполне правильно воспроизвести многія изъ нихъ. Однако, если «догадка» даетъ художнику возможность вѣрно воспроизвести мелкія подробности описываемыхъ явленій, то она никогда не можетъ замѣнить собою опытъ тамъ, гдѣ задача заключается въ вѣрномъ воспроизведеніи общаго характера тѣхъ переживаній, которыя выпадаютъ на долю участниковъ этихъ событій. Тутъ съ одной догадкой уйдешь не далеко. И тутъ, при недостаткѣ опыта, поневолѣ станешь дорожить внѣшними эффектами, поневолѣ начнешь выѣзжать на «яркости красокъ». Положимъ, большой художникъ, не участвовавшій въ извѣстныхъ событіяхъ, до нѣкоторой степени можетъ «догадываться» о томъ, что пережили ихъ участники, если самъ онъ испыталъ сходныя переживанія. Но это неоспоримое значеніе аналогіи является только лишнимъ свидѣтельствомъ въ пользу важности личнаго опыта. Возьмемъ хоть военныя сцены, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Л. Толстого. Многія и многія мелкія подробности этихъ сценъ, навѣрно, написаны только «по догадкѣ». Но общій характеръ переживаній ихъ участниковъ только потому и производитъ впечатлѣніе поразительной правдивости, что нашъ великій романистъ самъ испыталъ подобныя переживанія. И если бы кто-нибудь сталъ, на этомъ основаніи, умалять его заслугу какъ художника, то показалъ бы себя не весьма проникательнымъ критикомъ.

Искренность Ропшина стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; его художественное дарованіе неоспоримо; недостатки изложенія, причиненные огромнымъ вліяніемъ на него Толстого, съ избыткомъ выкупаются у него достоинствами художественнаго содержанія. Г. А. Измайловъ утверждаетъ, «не боясь ошибки», что событія романъ «То, чего не было» не создалъ и не создастъ. Это вѣрно только наполовину. Новое произведеніе Ропшина не создастъ событія, потому что оно уже создало его. О немъ пишутъ статьи; о немъ читаютъ рефераты; о немъ спорятъ; его хвалятъ, его бранятъ; противъ него «протестуютъ» въ печати. А это и значитъ, что онъ представляетъ собою крупное литературное событіе. Что бы ни говорила критика, романъ «То, чего не было» имѣетъ несомнѣнный и большой успѣхъ. И это отнюдь не «успѣхъ скандала». За это служить,—или, по крайней мѣрѣ, должны и вполне могутъ служить,—достаточнымъ ручательствомъ важность поднятыхъ въ немъ вопросовъ и серьезность отношеній къ нимъ со стороны автора. Важность эта такъ велика, что, въ связи съ совершенно неоспоримой серьезностью названнаго отно-

шенія, критика, разсуждая о романѣ Ропшина, должна выйти за предѣлы чисто эстетическихъ сужденій. Н. А. Добролюбовъ считалъ главной задачей критики «разъясненіе тѣхъ явленій дѣйствительности, которыя вызвали извѣстное художественное произведеніе». Вотъ на такое-то разъясненіе и наталкиваетъ романъ «То, чего не было». Протестъ, съ которымъ выступила противъ него довольно большая группа лицъ, сочувствующихъ направленію журнала «Завѣты», вызванъ былъ, разумѣется, не эстетическими соображеніями. Группа эта протестовала противъ романа Ропшина потому, что онъ подаетъ, по ея мнѣнію, поводъ къ ложному истолкованію изображаемыхъ въ немъ явленій дѣйствительности. И она,— нужно признать это,—состоитъ изъ людей, имѣющихъ очень много данныхъ для сужденія о томъ, вѣрно или невѣрно изображены Ропшинымъ переживанія той среды, къ которой принадлежать: Болотовъ, Володя, Фрезе, Ольга и др. Но сужденія этого рода всегда имѣютъ лишь относительное значеніе. Если упомянутая группа протестуетъ противъ романа «То, чего не было», то это означаетъ только то, что лица, ее составляющія, не имѣли такихъ переживаній, какія воспроизведены въ немъ. А такъ какъ по всему видно, что переживанія эти воспроизведены въ немъ вполнѣ искренно и правдиво, то мы можемъ изъ всего этого сдѣлать лишь тотъ выводъ, что они представляли собою довольно исключительное психологическое явленіе даже между людьми, державшимися лозунга: «Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!» Этотъ неизбежный выводъ необходимо запомнить. Но исключительныя явленія бываютъ подчасъ весьма знаменательными. Къ такимъ явленіямъ, весьма знаменательнымъ при всей своей исключительности, принадлежать и переживанія, описанныя въ романѣ «То, чего не было». Въ двухъ, до сихъ поръ напечатанныхъ частяхъ,—а я, какъ это само собою разумѣется, только о нихъ и говорю,—психологическій интересъ сосредоточивается вокругъ личности Андрея Болотова, который является настоящимъ Гамлетомъ, волею судебъ попавшимъ въ ряды борцовъ за «право свое». Скажу больше. По части гамлетизма Болотовъ могъ бы дать довольно много очковъ впередъ самому Гамлету. Правда, его гамлетизмъ не мѣшаетъ ему дѣйствовать крайне рѣшительно. Но именно, когда онъ дѣйствуетъ, и обнаруживается столь характерный для Гамлета разладъ между умомъ и волей. Воля толкаетъ Болотова на борьбу. Борьба доводитъ его до насильственныхъ дѣйствій. А насильственные дѣйствія вызываютъ въ его умѣ вопросъ: можетъ ли быть оправдано насиліе? И если — да, то чѣмъ именно? Вопросъ этотъ, какъ горе-злочашье неотступно преслѣдуетъ Болотова. Онъ идетъ за нимъ и на баррикады, и на революціонный съѣздъ, и въ террористическія предпріятія. Болотовъ до такой степени поглощенъ имъ, что на-

чинаетъ смотрѣть, какъ на ненужные и скучные пустяки, на все, что не касается этого вопроса. Мимоходомъ сказать, этимъ и надо объяснить тотъ свойственный роману Ропшина оттѣнокъ, которымъ былъ вызванъ протестъ, напечатанный въ 8-мъ № «Завѣтовъ». Лица, подписавшія его, какъ видно, думаютъ, что самъ Ропшинъ смотритъ на извѣстныя событія глазами Болотова. Они забыли, что художникъ не отвѣчаетъ за взгляды и чувства своего героя.

Болотову вполне естественно приписывать важное значеніе только тому, что могло бы разрѣшить «проклятый вопросъ» о правѣ на насиліе. Противъ этого протестовать нельзя. Можно сказать, пожалуй, что между людьми, боровшимися за «Землю и Волю» въ началѣ XX-го вѣка, гамлетовъ не существовало. Но это опровергается уже тѣмъ фактомъ, что Болотову была отведена весьма важная роль въ романѣ, написанномъ однимъ изъ людей, весьма свѣдущихъ по части психологіи революціонеровъ извѣстнаго направленія. Болѣе или менѣе посторонній читатель можетъ отнестись съ полнымъ безпристрастіемъ къ этому разногласію между Ропшинымъ и лицами, подписавшими протестъ. Протестанты правы въ томъ смыслѣ, что извѣстныя событія были въ дѣйствительности не таковы, какими представлялись они Болотову сквозь призму его гамлетизма. Ропшинъ всецѣло правъ, какъ художникъ: не могъ, изображая Гамлета, приписать ему такія сужденія о событіяхъ, которыя не соотвѣтствовали бы его, — гамлетовско му, — настроенію. Стало быть, спорить тутъ не о чемъ. Но весьма полезно будетъ обратить вниманіе вотъ на какія стороны дѣла.

Болотовъ—Гамлетъ. Отличительный признакъ гамлетизма состоитъ въ разладѣ ума и воли. Но что касается, собственно, ума, то, во первыхъ, не всѣ гамлеты умны въ одинаковой степени, а, во-вторыхъ, даже самые умные гамлеты измѣняютъ свои взгляды на вещи въ зависимости отъ хода культурнаго развитія человѣчества. Прототипъ всѣхъ гамлетовъ, Гамлетъ, принцъ Датскій, вѣрилъ въ привидѣнія, а вотъ Болотовъ, вѣроятно, не вѣритъ въ нихъ. По крайней мѣрѣ, не вѣрилъ въ нихъ въ 1905—1906 гг. Точно такъ же Гамлетъ, принцъ Датскій, не думалъ надъ вопросомъ о томъ, чѣмъ можетъ быть оправдано то насиліе, къ которому прибѣгаетъ общественный человѣкъ въ критическія минуты своего развитія, а Болотовъ сталъ биться надъ этимъ вопросомъ, какъ только пришлось ему принять участіе въ важныхъ историческихъ событіяхъ. Но когда Ропшинъ изображаетъ намъ происходящій въ душѣ его героя мучительный процессъ исканій отвѣта на вопросъ о томъ, чѣмъ можетъ быть оправдано насиліе, онъ приписываетъ Болотову такія теоретическія соображенія, которыя не могутъ не показаться

устарѣлыми для нашего времени. Ночью на московской баррикадѣ послѣ убійства жандармскаго полковника Слезкина онъ ведетъ такой разговоръ съ однимъ изъ своихъ товарищей, Сережей?

«Насъ разстрѣливаютъ, вѣшаютъ душатъ... Такъ. Мы вѣшаемъ, душимъ, жжемъ... Такъ... Но почему, если я убилъ Слезкина,—я герой, а если онъ повѣсилъ меня, онъ мерзавецъ и негодяй?... Вѣдь это же готтентотство... Одно изъ двухъ: либо убить нельзя, и тогда мы оба, Слезкинъ и я, переступаемъ законъ, либо можно, и тогда ни онъ, ни я,—не герои и не мерзавцы, а просто люди, враги...

«... скажите мнѣ вотъ что: допускаете ли вы, что этотъ убійтъ Слезкинъ не изъ корысти, а по убѣжденію преслѣдовалъ насъ? Допускаете ли вы, что онъ не для себя, а для народа, именно для народа, заблуждаясь, конечно, считалъ своимъ долгомъ бороться съ нами? Допускаете ли вы это? Да?.. Вѣдь можетъ такъ быть? Вѣдь можетъ же быть, что изъ сотни, изъ тысячи Слезкиныхъ хоть одинъ найдется такой? Вѣдь можетъ быть? Да?.. Ну, тогда гдѣ же различіе между мною и имъ? Гдѣ? И почему онъ мерзавецъ? По-моему, либо убить всегда можно, либо... либо убить нельзя никогда...»

Это, несомнѣнно, очень серьезный вопросъ. Уже тотъ фактъ, что вопросъ этотъ играетъ огромную роль во внутренней жизни одного изъ самыхъ главныхъ героевъ, — чтобы не сказать: самаго главнаго героя романа «То, чего не было», долженъ былъ бы заставить критику вдумчиво отнестись къ этому произведенію Ропшина. Потребность въ нравственномъ оправданіи борьбы—не шуточное дѣло. Ее прекрасно понимали тѣ мыслители, которымъ приходилось заниматься философіей человѣческой исторіи. Еще Гегель говорилъ, что историческое движеніе нерѣдко представляетъ намъ враждебное столкновеніе двухъ правовыхъ принциповъ. Въ одномъ принципѣ выражается божественное право существующаго порядка, право установившихся нравственныхъ отношеній; въ другомъ — божественное право самосознанія, идущаго впередъ, науки, дѣлающей новыя завоеванія, субъективной свободы, возстающей противъ устарѣлыхъ объективныхъ нормъ. Взаимное столкновеніе этихъ двухъ божественныхъ правъ есть истинная трагедія, въ которой гибнуть подчасъ самые лучшіе люди (Гегель указывалъ на Сократа). Но если въ этой трагедіи есть гибнущіе, то нѣтъ виноватыхъ. Гегель говорилъ, что каждая сторона права по своему.

Какъ видите, многоуважаемый Владиміръ Павловичъ, это сопоставленіе русскаго террориста съ нѣмецкимъ абсолютнымъ идеалистомъ приводитъ къ результату, на первый взглядъ, довольно странному. Выходить, будто Болотовъ и Гегель говорятъ одно и то же: съ точки зрѣнія права, нѣтъ различія между новаторомъ и защит-

никомъ стараго порядка, если оба они одинаково преданы своимъ убѣжденіямъ. Но это кажется именно только на первый взглядъ.

Болотовъ до самой своей смерти такъ и не находитъ отвѣта на мучившій его вопросъ: «гдѣ же различіе между мною и имъ?» Правда, онъ умираетъ съ крикомъ свободы на устахъ. Но подобные вопросы криками не рѣшаются. Для ихъ рѣшенія требуется не самоотверженная готовность умереть, — разумѣется, весьма почитенная на своемъ мѣстѣ, — а пониманіе историческаго процесса. Тотъ взглядъ на этотъ процессъ, къ которому пришелъ великій нѣмецкій идеалистъ, разрѣшалъ тяжбу между двумя божественными правами съ помощью критерія, основаннаго уже не на нравовыхъ, а на философско-историческихъ соображеніяхъ. Каждый искренній борецъ за свои убѣжденія правъ по своему. Съ этой стороны онъ нисколько не уступаетъ своему противнику, если тотъ отличается такою же, какъ и онъ, искренностью. Но, одинаково съ нимъ правый по-своему, т. е. съ точки зрѣнія тѣхъ нравственныхъ и правовыхъ убѣжденій, въ которыхъ онъ воспитался, — онъ можетъ далеко уступать ему въ правотѣ или превосходить его въ ней съ точки зрѣнія общаго хода культурнаго развитія чело-вѣчества. «Божественное право» защиты даннаго общественнаго порядка гораздо ниже «божественнаго права» его устраненія всюду, гдѣ порядокъ этотъ отжилъ свое время и, задерживая общество въ его поступательномъ движеніи, является для него источникомъ многихъ и разнообразныхъ бѣдствій. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе эти бѣдствія, чѣмъ болѣе право его защиты утрачиваетъ свое «божественное» содержаніе, чѣмъ болѣе превращается оно въ одну только видимость, въ простой призракъ права. Понявъ это, новаторы могутъ съ спокойной совѣстью вести свою борьбу съ консерваторами. Ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ достаточнаго теоретическаго основанія для того, чтобы спрашивать себя: «гдѣ же различіе между мною и имъ?» Они знаютъ, гдѣ это различіе. Они должны знать, въ чемъ состоитъ оно.

Такъ выходитъ по Гегелю.

А вотъ Болотовъ не знаетъ. Только потому онъ и бьется надъ своимъ вопросомъ. Почему же не знаетъ? Вѣроятно потому, что не достаточно вдумался въ тотъ историческій процессъ, ходомъ котораго вызывается общественная борьба и опредѣляются ея задачи.

Разъ заговоривъ о Гегелѣ, я поневолѣ вспоминаю споръ, веденный нами, марксистами, съ Михайловскимъ и съ другими сторонниками субъективизма въ половинѣ 90-хъ годовъ. Они подсмѣивались тогда надъ пристрастіемъ правовѣрныхъ марксистовъ къ «метафизику» Гегелю. А теперь выходитъ, что старый нѣмецкій «метафизикъ» могъ очень и очень пригодиться людямъ, собиравшимся принять дѣятельное участіе въ общественной жизни Россіи. Не-

даромъ Герценъ называлъ его философію алгеброй революціи. Кто вдумался въ эту философію, кто изучилъ эту алгебру, тотъ или совсѣмъ не пойдетъ защищать данную идею, или, ополчившись на ея защиту, не станетъ спрашивать себя, столкнувшись лицомъ къ лицу съ защитникомъ противоположной идеи: «гдѣ же различіе между мною и имъ?». Онъ знаетъ, гдѣ это различіе; ему извѣстно, въ чемъ состоитъ оно.

Какъ видите, гамлетизмъ Болотова вызвалъ во мнѣ воспоминаніе о нашихъ литературныхъ битвахъ съ Н. К. Михайловскимъ и его единомышленниками. Я, конечно, убѣжденъ въ правильности тѣхъ теоретическихъ соображеній, которыя высказаны мною по поводу этого воспоминанія. Но было бы очень плохо, если бы эти теоретическія соображенія сдѣлали меня несправедливымъ, а я былъ бы несправедливъ,—и даже, пожалуй, очень несправедливъ,—если бы упустилъ изъ виду психологическую сторону дѣла. На нее-то я и хочу теперь обратить вниманіе.

Разсужденіе Болотова очень слабы съ точки зрѣнія теоріи. Это не подлежитъ сомнѣнію. Но если бы онъ былъ въ тысячу разъ болѣе сильнымъ теоретикомъ, то и тогда онъ, можетъ быть, не избѣжалъ бы гамлетизма. Онъ находится въ совершенно исключительномъ положеніи. Его взгляды привели его къ убѣжденію необходимости «террора». А всякій или почти всякій удачный террористическій актъ имѣетъ двѣ стороны. Человѣкъ, его совершающій, во-первыхъ, жертвуетъ своею жизнью, во-вторыхъ, лишаетъ жизни то лицо, противъ котораго направлено террористическое покушеніе. Пока онъ,—я, разумѣется, имѣю въ виду честнаго, преданнаго своей идеѣ человѣка, — только еще собирается совершить террористическій актъ, онъ разсматриваетъ его преимущественно подъ угломъ риска своей собственной жизнью. И тогда террористическое дѣйствіе представляется ему безусловно похвальнымъ, а когда дѣйствіе совершено; когда пролита кровь; когда при этомъ, какъ это случается нерѣдко, страдаютъ посторонніе, совершенно ни въ чемъ неповинные люди, тогда террористъ видитъ обратную сторону медали — онъ видитъ, что террористическое дѣйствіе не можетъ не выйти за предѣлы самопожертвованія.

Такъ случилось, по крайней мѣрѣ, съ Болотовымъ. И когда онъ увидѣлъ обратную сторону медали; когда онъ убѣдился въ томъ, что не все—самопожертвованіе въ террористическомъ дѣйствіи, въ его умѣ возникли такіе вопросы, которые показались ему теперь гораздо болѣе трудными, нежели прежде, когда для него рѣчь шла о пожертвованіи своей собственной жизнью. Это необходимо понять, необходимо отмѣтить, что, если, рѣшая эти вопросы при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, Болотовъ дѣлаетъ теоретическія ошибки, то онъ въ то же самое время обна-

руживаетъ большую человѣчность своего характера. И это крайне важно. Я увѣренъ, что тѣ люди, которые отправили на тотъ свѣтъ Герценштейна, не страдали гамлетизмомъ и не совершали тѣхъ теоретическихъ ошибокъ, въ которыхъ я упрекаю Болотова. Они вообще, навѣрно, не имѣли Болотовскихъ переживаній. Но вѣдь это дѣлаетъ Болотову такую же честь, какъ, на примѣръ, то что онъ не похожъ на гіену. Это показываетъ, въ чемъ заключается разница между краснымъ терроромъ, съ одной стороны, и бѣлымъ—съ другой: одинъ практикуется людьми способными глубоко чувствовать и честно, хотя подчасъ и ошибочно, думать; за другой берутся джентльмены, не имѣющіе ни чувства въ своемъ заглубломъ сердцѣ, ни мысли въ своей неразвитой головѣ. И такъ: *si amto idem faciunt, non est idem.*

Романъ Ропшина давалъ нашей передовой критикѣ прекрасный случай указать на эту весьма поучительную разницу. Она не воспользовалась этимъ случаемъ, да, какъ видно, и не нашла въ указанномъ романѣ достаточнаго психологическаго матеріала для проведенія этой параллели. Кто въ этомъ виноватъ? Конечно, не Ропшинъ. Нельзя винить его за то, что критики нашли «разоблаченія» на тѣхъ страницахъ, на которыхъ художественно изображались переживанія, во всякомъ случаѣ заслуживавшія бережнаго и,—скажу прямо,—почтительнаго къ нимъ отношенія. Переживанія эти не фраза, не пустая выдумка, это—цѣлая трагедія,—одна изъ тѣхъ трагедій, которыя «очищаютъ» зрителя (чтобы употребить здѣсь извѣстное выраженіе Аристотеля), заставляя его вѣрить во внутреннюю красоту, если не всей человѣческой природы вообще, то, по крайней мѣрѣ, природы нѣкоторой части человечества.

Вы знаете, что я совсѣмъ не террористъ; но именно потому что я не террористъ, я считалъ себя обязаннымъ до конца высказать свой взглядъ на переживанія сдѣлавшаго большія теоретическія ошибки террориста Болотова.

Главная мысль трагедіи, переживаемой Болотовыми нашего времени, можетъ быть выражена нѣсколько видоизмѣненными словами Некрасова: захватило ихъ трудное время неготовыми къ тяжелой борьбѣ. Они достаточно подготовились къ ней только съ нравственной стороны. Тутъ они показали примѣры несомнѣннѣйшаго героизма. Но у этихъ героевъ было, какъ у героическаго юноши Ахиллеса, свое уязвимое мѣсто. Ихъ ахиллесовой пятой была неудовлетворительность тѣхъ теоретическихъ «завѣтовъ», которыми они подкрѣпляли и оправдывали свое стремленіе къ практической дѣятельности. И тутъ не поправишь дѣла никакими протестами. Тутъ необходимъ серьезный,—можно сказать самоотверженный,—пересмотръ теоретическихъ завѣтовъ. Редакція журнала,

печатающаго романъ Ропшина, отвѣчаетъ на опубликованный ею въ 8-й книжкѣ протестъ группы сочувствующихъ ей лицъ указаніемъ на необходимость новой теоретической работы. Въ этомъ какъ-будто слышится сознаніе ею нужды въ пересмотрѣ старыхъ завѣтовъ. Выражается оно, между прочимъ, и въ томъ, что редація отворяетъ двери журнала даже для такихъ новыхъ сотрудниковъ, какъ г. Л. Шестовъ. Гостепріимство весьма похвально. Но если въ завѣтахъ, унаслѣдованныхъ отъ Михайловскаго, была своя слабая теоретическая сторона, то поправлять дѣло, конечно, не господъ Шестовы, отъ которыхъ съ досадой отмахнулся бы обѣими руками самъ Михайловскій.

Гдѣ же искать выхода? Выходъ будетъ данъ только той теоріей, которая правильно разрѣшитъ вопросы, поднятые въ романѣ и романомъ «То, чего не было». Это можетъ сдѣлать вполнѣ удовлетворительнымъ для нашихъ дней образомъ только современная намъ «алгебра революціи». Субъективизмъ никогда не могъ справиться съ такими задачами, а теперь онъ слишкомъ одряхлѣлъ для того, чтобы браться за нихъ.

Прошу замѣтить: теперь рѣчь идетъ у меня уже не о Болотовѣ и не о какомъ-нибудь другомъ героѣ романа «То, чего не было», а объ его авторѣ.

Не кто-нибудь изъ его героевъ, а именно онъ самъ, описывая ихъ переживанія и,—что въ данномъ случаѣ много важнѣе,—ихъ дѣйствія, выражаетъ тотъ же самый взглядъ на роль личности въ исторіи, который значительно раньше былъ высказанъ Толстымъ въ «Войнѣ и Мирѣ». Его теоретическая мысль совершенно поработается здѣсь Толстымъ. Онъ потому и склоненъ повторять «отдѣльные слова» Толстого, что они представляются ему наилучшимъ выраженіемъ наиболѣе правильнаго взгляда на то, какое значеніе могутъ имѣть сознательныя усилія людей въ ходѣ великихъ историческихъ событій. Сущность этого взгляда состоитъ въ томъ, что «намъ не дано знать», что насъ ведетъ какая-то высшая сила, что на дѣлѣ сознательныя усилія людей обыкновенно ничего не значать, ни къ чему не приводятъ и т. п. Но это—чистѣйшій фатализмъ. И вотъ передъ нами вырастаетъ новый вопросъ,—романъ Ропшина потому то и представляетъ собою крупное событіе въ нашей литературѣ, что имъ возбуждается много вопросовъ,—вырастаетъ вотъ какой вопросъ: какъ же это случилось, что часть тѣхъ людей, образъ мыслей которыхъ представляетъ собою, казалось бы, прямую противоположность фатализму, приходятъ къ фаталистическимъ выводамъ, когда исторія беретъ на себя трудъ провѣрить ихъ теоретическіе взгляды?

Этотъ вопросъ опять заставляетъ насъ обратиться къ тѣмъ идейнымъ завѣтамъ, символомъ которыхъ служить портретъ Н. К.

Михайловскаго, напечатанный, вмѣсто вступительной статьи, въ первой книжкѣ журнала «Завѣты». Идейные завѣты Михайловскаго и его ближайшихъ единомышленниковъ заключались, между прочимъ, въ отрицаніи матеріалистическаго объясненія исторіи. Но только это объясненіе и способно разрѣшить антиномію между сознательностью и стихійностью въ процессѣ историческаго развитія. Только оно и способно окончательно справиться съ той фаталистической философіей исторіи, съ которой мы встрѣчаемся въ «Войнѣ и Мирѣ» Толстого, и которую Ропшинъ ошибочно принялъ за отвѣтъ на вопросы, вызванные въ немъ недавнимъ періодомъ революціоннаго возбужденія въ Россіи. Вѣрный идейнымъ завѣтамъ субъективистовъ, Ропшинъ отвергъ матеріалистическое объясненіе исторіи и... вслѣдъ за Толстымъ, произнесъ свое *ignoramus*. Но его *ignoramus* примѣнимо не ко всѣмъ, а лишь къ нѣкоторымъ. Напрасно думаетъ онъ, что человѣческій разумъ вообще неспособенъ предвидѣть ходъ историческихъ событій и тѣмъ самымъ направить ихъ къ сознательной цѣли. Вспомнимъ хоть боевыя событія, описанныя въ «Войнѣ и Мирѣ». Если они почти всегда опровергали расчеты нѣмецкихъ и русскихъ архистратиговъ, то они почти всегда оправдывали соображенія и расчеты Наполеона. Это происходило оттого, что Наполеонъ гораздо глубже названныхъ стратеговъ понималъ объективное положеніе дѣлъ. То же и съ новаторами въ другихъ областяхъ. Въ однихъ странахъ событія смѣются надъ расчетами новаторовъ, а въ другихъ оправдываютъ ихъ. Расчеты нынѣшнихъ нѣмецкихъ новаторовъ, навѣрное, будутъ, «въ случаѣ чего», оправданы событіями. Это потому, что нѣмецкіе новаторы умѣютъ пользоваться матеріалистическимъ объясненіемъ исторіи, потому что они хорошо изучили «алгебру революціи».

Мнѣ очень хотѣлось бы ошибиться, но я боюсь, что Ропшинъ никогда не обратитъ своего умственного взора въ томъ направленіи, въ какомъ только и можно искать рѣшенія вопросовъ, имъ же самимъ выдвинутыхъ въ его романѣ. Слишкомъ ужъ мало подготовленъ онъ старыми идейными завѣтами къ усвоенію совершенно трезваго взгляда на движущія силы общественныхъ событій. Скажу прямо: иногда въ его разсужденіяхъ мнѣ чужалось присутствіе мистической жилки. А его Сережа — настоящій мистикъ. Хорошо сдѣлалъ Ропшинъ, что скоро отправилъ на тотъ свѣтъ этого опаснаго человѣка: онъ могъ надѣлать большой бѣды въ его романѣ; могъ, напримѣръ, заговорить языкомъ Мережковскаго.

Мистическая струйка въ романѣ «То, чего не было» вызываетъ во мнѣ опасеніе того, что, отвернувшись отъ литературной манеры декадентовъ, Ропшинъ не совсѣмъ отвернулся отъ ихъ теоретическихъ взглядовъ. Было бы очень жаль, если бы люди съ

девизомъ «въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!» вздумали подкрѣплять свои практическія стремленія евангеліемъ отъ декаданса. Но я замѣчаю, что я началъ говорить въ сослагательномъ наклоніи, а съ меня пока довольно изъяснительнаго. Заключаю свое письмо тѣмъ же, чѣмъ я его началъ: очень желательно было бы, чтобы наша критика пересмотрѣла свой приговоръ о романѣ Ропшина, а что болѣе всего желательно, такъ это то, чтобы она, разсуждая объ этомъ романѣ, не ограничивалась придиричивымъ, несправедливымъ и, въ сущности, безсодержательнымъ указаніемъ на «имитацию» Толстого, а вспомнила совѣтъ Добролюбова «толковать о явленіяхъ самой жизни на основаніи литературнаго произведенія, не навязывая, впрочемъ, автору никакихъ заранѣе сочиненныхъ идей и задачъ».

Я потому обращался къ Вамъ, Владиміръ Павловичъ, опровергая неблагоприятныя отзывы о романѣ Ропшина, что Вы, какъ мнѣ показалось, вполнѣ согласны съ ними. А мнѣ хотѣлось бы, чтобы въ Вашемъ лицѣ «Современный Міръ» внимательнѣе отнесся къ тому литературному явленію, которое своимъ богатымъ и правдивымъ содержаніемъ заслуживаетъ очень большого вниманія, особенно, со стороны людей, раздѣляющихъ основныя положенія марксизма.

Крѣпко жму руку.

Г. Плехановъ.

17 9240